

Новый рассказ М. Горькаго.

Въ только что вышедшей книжкѣ новаго журнала „Современникъ“ помѣщена новая вещь М. Горькаго — „Жалобы“

Въ строгомъ смыслѣ это—не рассказъ, гдѣ мы привыкли видѣть или опредѣленный сюжетъ, или до конца развитой типъ. Здѣсь нѣтъ ни сюжета, ни человѣческаго характера. Это—просто публицистическій фельетонъ отъ лица офицера, участвовавшаго въ послѣдней войнѣ и спокойно философствующаго о русскомъ мужествѣ и о свойствахъ русской природы вообще.

Философскія заключенія этого офицера не Богъ вѣсть какъ новы, хотя резонности ихъ во многомъ нельзя отрицать. Въ русскомъ солдатѣ, котораго офицеръ за время войны изучилъ вдоль и поперекъ, рассказчикъ видитъ трагическую черту какой-то дряблости.

Русскій человѣкъ ничему не вѣрять, ничего не хочетъ. „Дресва! Рыхлое что-то, навѣки и вѣкъ вѣка рыхлое!“

Посылаютъ мужика на войну,—ему нѣтъ рѣшительно никакого дѣла до войны. Ёдетъ онъ на нее безъ малѣйшихъ надеждъ на побѣду, на возвращеніе. „Не мобилизація это для него, а ликвидація жизни“.

Сидятъ солдаты въ вагонѣ. Нельзя понять, что думаютъ эти люди. Спрашиваютъ ихъ, что такое родина,—они не умѣютъ отвѣтить. Поймали японскаго шпіона. Ни ненависти къ нему, ни страха. Мирно толкуютъ съ нимъ солдаты и чуть-что не извиняются:

— Мы, братъ, тутъ не причемъ! Приказано — иди. Вотъ и пришли! Мы сами — земляной народъ. Мы понимаемъ.

А вечеромъ китайца велятъ разстрѣлять. Солдаты идутъ и спокойно разстрѣливаютъ его.

Офицеръ недоумѣваетъ, какъ можетъ французъ искать слиянія съ такой мягкотѣлой породой.

— „Какое удовольствіе и польза быть въ союзѣ съ людьми, которыхъ бьютъ, а они равнодушны, которые не понимаютъ, за что ихъ бьютъ, за что они должны бить,—и, вообще, ничего не хотятъ понять“.

Такъ во всемъ—на войнѣ, во время мира, въ своихъ условіяхъ, на своемъ дѣлѣ—страненъ и загадоченъ у рассказчика русскій человѣкъ. Ему нравится видѣть одурченнѣмъ своего начальника, котораго водить за носъ женщина, слугавшаяся съ другимъ. Но онъ молчитъ. Говоритъ объ этомъ много спустя.

— Почему же ты Миловидовъ, сразу, когда узналъ, не сказалъ мнѣ объ этомъ?

— Не могу знать!

„Страшный народъ! Несчастный и страшный!“ — такъ заключаетъ горьковскій философъ свои размышленія о русскомъ мужикѣ-сфинксѣ. („Б. Вѣд.“)